

ской войны: места массовых расстрелов красных партизан, расположение штабов партизан и карательного отряда белогвардейцев, братской могилы партизан. В планах – создание уличной экспозиции на Макеевке, ныне ул. Г. Маркова, где стоял дом семьи Г.М. Маркова.

Литература

1. *Край* Причудлымский – родина малая: сб. краеведческих материалов / сост.: Н.И. Бухарова. 2-е изд., испр. и доп. Томск: ООО Демос, 2014. 200 с.
2. *Статистический отчет* МАУ «МЦНТиКСД»: сб. матер. / сост. Л.М. Трофимова. Асино, 2016. 30 с.

Т.А. Кузьменко, И.Е. Максимова

ЭТНОГРАФИЯ И МУЗЕОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ЭВЕНКОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)¹

Роль музейных коллекций как одного из важнейших этнографических источников неоспорима, как неоспорима и значимость полевой этнографии для атрибуции музейных экспонатов. Однако соотношение «музейная коллекция» – «этнографические реалии» не всегда было одинаковым. Динамика его развития хорошо заметна на примере сымско-кетской группы эвенков, которая сформировалась в середине 1930-х гг. XX в. из трех «подгрупп» – милитского и питско-ворогонского административных родов, а также рода Баяки – Самаровых. С точки зрения самих эвенков, в группу входили представители родов Баяки, Кему, Кильтыно, Кима, Танимо, Турумби и Чемба, предки которых в конце XVIII в. кочевали как на левобережье (бассейне рек Сым, Кеть, Чулым, Васюган, район Нарыма), так и на правобережье Енисея (нижнее течение Ангары, бассейн Подкаменной Тунгуски, Туруханский край) [1]. Этот момент важен для понимания того факта, что в случае типологического сходства есть основания относить экспонаты конца XVIII – начала XIX в. к сымско-кетской группе эвенков, хотя они могут быть приобретены на р. Енисей, в Туруханском крае и т.п.

¹ Работа выполнена по гранту РФФИ-регион № 17-11-70003, тема «Эвенки юга Западной Сибири: создание комплексной источниковой базы».

В XVIII – начале XX в. музейные экспонаты демонстрировали существовавшее на тот момент разнообразие этносов, отражали жизнь «иностранцев», дополняя и иллюстрируя записки путешественников и исследователей. Музейные коллекции соответствовали «живым» этнографическим реалиям. Влияние русской культуры выразилось в появлении дополнительных материалов (ткани, украшений и т.п.), но кардинально не меняло общей картины.

По мере усиления вмешательства государства в хозяйственно-культурную деятельность, характерную для периода с 1920-х гг. (объединение в бригады, активная пропагандистская практика и т.п.), из «живой» этнографии стали исчезать культовые предметы. За 100 лет активного формирования этнографических коллекций по сымско-кетским эвенкам в музеи попало около двух десятков шаманских костюмов, но при этом новые шаманские костюмы не создавались в силу вполне очевидных обстоятельств. То есть эти вещи были фактически изъяты из культуры.

После уничтожения таежного оленеводства и перевода эвенков на оседлость аналогичные процессы постигли и материальную культуру: исчезает доступ к привычным материалам (прежде всего ровдуге); нет необходимости изготавливать традиционную праздничную (обрядовую) одежду, обрабатывать бересту для изготовления лодок и чумов, делать вьючные сумы и т.д. Уцелевшие предметы либо «перекочевали» в музейные собрания, либо стали элементами погребального инвентаря для людей старшего поколения. К 1980-м гг. традиционная культура была еще жива в памяти эвенков, но музейные коллекции иллюстрировали уже не существующие реалии, а сохранившиеся воспоминания.

В последнее десятилетие наблюдается своеобразный ренессанс эвенкийской культуры: изготавливается праздничная одежда «нового образца», создаются песни, возрождаются обряды. Однако, как и в классическом Возрождении, оригинальные образцы традиционной культуры не копируются, а используются как ориентиры для подражания: например, сохраняется покрой одежды, но меняются материал и орнаментация. Процессы «глобализации» в рамках Сибири приводят к стиранию родовых границ. Отсюда переход с диалектов на литературный язык, восприятие как «своих» тех обрядов, которые никогда не существовали в конкретной группе, смешение фольклорных сюжетов и т.п. По сути, происходит процесс создания неотрадиционной культуры, которая осознает себя как продолжательница

традиций, но фактически она полностью их изменяет, так как основывается на ином типе природопользования. Сам по себе этот процесс не только интересный, но и чрезвычайно важный, так как он показывает, что культура живет и приспосабливается к новым условиям. Но, возвращаясь к проблеме соотношения «музейная коллекция» – «этнографические реалии», необходимо констатировать, что традиционная культура, отражающая быт таежных охотников и оленеводов, переходит исключительно в музейную сферу. Современное поколение эвенков уже хранит лишь «воспоминания о воспоминаниях», дополненные личным переосмыслением классической этнографической литературы и многочисленными социокультурными факторами. В этих условиях музейные коллекции оказываются единственными объективными свидетелями прошлого, которые, как это ни парадоксально, до сих пор не «опрошены» полностью.

Основной причиной этого является сложность полноценного использования музейных собраний.

Во-первых, качественных публикаций этнографических коллекций очень мало, и нет гарантии, что в них содержится вся необходимая информация.

Во-вторых, электронные каталоги есть далеко не у всех музеев, и они страдают теми же недостатками, что и бумажные публикации.

В-третьих, работа с музейными коллекциями, как правило, должна сочетаться с основательной проработкой музейных архивов для выявления всех необходимых для атрибуции сведений, что требует больших временных затрат. Лишь в редких случаях этого этапа можно избежать.

В-четвертых, коллекции по одной этнической группе могут быть «разбросаны» по огромному количеству музеев. Например, на настоящий момент экспонаты по культуре сымско-кетских эвенков выявлены в 25 музеях, включая семь зарубежных. Точное количество экспонатов по изучаемой группе на данный момент невозможно подсчитать, однако оно явно исчисляется тысячами. Очевидно, что «отработать» такое количество музеев, принимая во внимание географический (и напрямую связанный с ним финансовый) фактор, крайне сложно.

В-пятых, работа в конкретном музее может быть связана с серьезными финансовыми затратами, так как музеи назначают подчас очень высокий прейскурант за право фотографирования материалов. Ко всему сказанному добавляются хорошо знакомые любому иссле-

дователю сложности с атрибуцией музейных предметов, запрет на работу с первоисточником (инвентарными книгами) и другие факторы. Таким образом, задача создания максимально полного «музейного образа» этноса становится почти невыполнимой.

Этот тезис можно проиллюстрировать на примере коллекций по культуре сымско-кетских эвенков. Опираясь на опубликованные материалы, электронные ресурсы и собственные исследования, можно выделить следующие группы музеев, обладающих искомыми материалами.

Первая группа – это музеи, в которых коллекции собирали профессиональные этнографы. За исключением самых ранних поступлений они отличаются профессиональной атрибуцией. Это по преимуществу крупные музейные центры исследовательской направленности, в том числе университетские.

Наиболее старые экспонаты принадлежат к знаменитой «Сибирской коллекции» Санкт-Петербургской кунсткамеры, в которую вошли предметы, полученные еще в XVIII в. в ходе многочисленных экспедиций того времени. Однако во время пожара 1747 г. большая часть этой коллекции погибла [19. С. 25].

В 1840-х гг. в Сибири работал финский лингвист и этнограф М.А. Кастрен, который встречался с эвенками р. Сым [17. С. 324]. Собранная им коллекция определена как происходящая из Туруханская края Енисейской губернии [40], однако некоторые предметы можно с уверенностью отнести к сымско-кетской группе (№ 7–16, 19, 20, 23).

В 1907–1909 гг. в музей поступали предметы, полученные К.М. Рычковым в Туруханском крае [10. С. 97–102] от «баргаганских» (питско-варагонских), «хойонских» (сымских) и илимпейских тунгусов [28]. Несмотря на то, что К.М. Рычков прекрасно знал о существовании языковых и культурных особенностей локальных групп, при сборе коллекций и публикации материалов он характеризовал эвенкийскую культуру как нечто целостное [29, 30]. Поэтому сложно сказать, имеются ли в этой интереснейшей коллекции предметы, относящиеся к изучаемой группе.

Самыми ценными в плане соотношения полноты коллекции и уровня атрибуции являются сборы Г.М. Василевич (колл. № 1403) и Н.П. Никульшина (колл. № 5777), которые в 1931 и 1940 гг. работали среди эвенков р. Сым. В частности, коллекция, привезенная Н.П. Никульшиным, насчитывает 204 предмета и 486 негативов и

отпечатков с них [27]. Полностью эти материалы не публиковались, известны лишь фотографии отдельных экспонатов [2–9; 13–16; 20; 26].

Свыше 3 000 единиц хранения по культуре эвенков находится в Русском этнографическом музее (СПб). Судя по фотографиям, представленным в Государственном каталоге музейных предметов [43], на сайте Музея и в публикациях [21, 31], среди этих коллекций имеется достаточно большое количество экспонатов по культуре изучаемой группы.

В Музее археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск) хранятся вещи, привезенные в июле–августе 1980 г. И.Н. Гемуевым с р. Тым из эвенкийского шаманского лабаза. В этом же году лингвист М.Д. Симонов привез с р. Сым два комплекта шаманских подвесок [32].

Коллекции Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (МАЭС ТГУ) формировались из различных источников. В 1907 г. сюда был передан целый ряд экспонатов из фондов упраздненного музея Алтайского горного округа; в 1923 г. – из фондов Сибирского областного музея в г. Томске. Несколько предметов прекрасной сохранности было подарено музею купцом 2-й гильдии К.С. Прянишниковым, купившим их в Нарымском крае [18]. В 1970-х гг. в МАЭС поступает значительное количество вещей, полученных от эвенков с р. Кеть (Э.Л. Львова, И.Е. Максимова), в том числе и шаманские предметы из брошенного лабаза (1977 г., В.А. Рябцев).

К этой же категории можно отнести коллекцию из одиннадцати предметов, хранящуюся в Минусинском краеведческом музее [36], которая была приобретена известным этнографом А.В. Адриановым во время его поездки на р. Васюган и имеет подробное описание [11; 24; 26. С. 86–87].

Вторая группа – это краеведческие музеи Томской области (Колпашево, Томск, Нарым, Белый Яр), пополнявшиеся преимущественно благодаря местным жителям. В силу этого их коллекции имеют достаточно точную атрибуцию.

Начало формированию эвенкийской коллекции Томского областного краеведческого музея положил М.Б. Шатилов [33]. В дальнейшем она постоянно росла. В 1970–80-е гг. в музей были привезены три комплекта шаманских костюмов с достаточно полной атри-

буцией. На настоящий момент эвенкийское собрание ТОКМ – одно из самых крупных в России [35, 36].

Эвенкийская коллекция Колпашевского краеведческого музея насчитывает 105 предметов, из которых наибольшую ценность представляет костюм шамана И.И. Ивигина, который был привезен в 1965 г. [25. С. 300].

В Музее политической ссылки пос. Нарым и краеведческом музее пос. Белый Яр хранятся единичные предметы одежды и найденные в тайге шаманские подвески.

Третья группа – это музеи соседних регионов. Попавшие туда предметы, как правило, становятся частью общей «эвенкийской коллекции», из которой выделить искомые экспонаты можно лишь по принципу типологического сходства.

Например, судя по картотеке, в Енисейском краеведческом музее хранится около 300 эвенкийских предметов, однако ни об одном нет информации ни о месте сбора, ни об имени собирателя. Еще более обширна коллекция Красноярского краеведческого музея, однако в публикациях только для двух кафтанов указано, что они были получены в 1920 г. на р. Кеть этнографом А.А. Савельевым [12. С. 486]. В то же время количество предметов, связанных с сымско-кетскими эвенками, гораздо больше.

Богатая коллекция эвенкийской одежды хранится в Новосибирском краеведческом музее [44], однако отнести их к изучаемой группе можно только на основании внешних признаков, так как необходимая информация отсутствует. В Омском государственном историко-краеведческом музее имеются два кафтана, которые были приобретены в 1940-е гг. «без указания места и времени изготовления и без имени собирателя» [22. С. 203], но которые также вероятнее всего были получены у сымско-кетских эвенков. В Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике хранятся «костюм шамана» (ЭК-103), который представляет собой типичный эвенкийский праздничный костюм, и «парка шамана» (ЭК-152/5) – по факту весенне-летний эвенкийский мужской костюм.

Таким образом, в коллекциях этой группы музеев атрибуция либо отсутствует вообще, либо она крайне неточна.

Четвертая группа представлена музеями центральных регионов, в которые искомые экспонаты попадали, как правило, по чистой случайности.

Например, образец эвенкийского мужского праздничного костюма выставлен в экспозиции Государственного исторического музея. Он был приобретен в 1940-х гг. в пос. Максимкин Яр во время сбора материалов о пребывании там Я.М. Свердлова. Несколько очень интересных шаманских предметов хранятся в Бежецком мемориально-литературном и краеведческом музее (Тверь). Они были переданы туда семьей эвенков с р. Кеть для экспозиции, посвященной творчеству В.Я. Шишкова.

В Музее искусств народов Востока имеется кiset № 5381, который значится как полученный из Монголии, но с высокой долей вероятности можно утверждать, что он происходит с берегов Енисея. В Государственном музее истории религии эвенкийские коллекции указаны как принадлежащие эвенкам «в целом».

Последняя группа – это зарубежные музеи, в которые экспонаты поступали в результате исследовательских экспедиций либо приобретались на Всемирных промышленных выставках, куда в числе прочего привозили и этнографические предметы.

В Музее археологии и антропологии Пенсильванского университета (Penn Museum) хранится коллекция, привезенная М.А. Чапличкой из поездки в Сибирь в 1916 г. Один предмет (А 1538) атрибутирован как сымский [45]. Другая часть коллекций этой исследовательницы находится в Pitt Rivers Museum (Оксфорд), к интересующей группе там отнесены пояс и женский нагрудник [47].

В Британском музее (Лондон) имеется нагрудник, который был атрибутирован российскими учеными, посетившими Британский музей, как сымский [37]. В Датском национальном музее (Копенгаген) – весенне-летний костюм, поступивший в 1927 г. с р. Енисей, но, судя по покрою и орнаментации, он принадлежит изучаемой группе [41]. В Шведском этнографическом музее (Стокгольм) также есть интересующие нас предметы, прежде всего фотографии эвенкийской одежды, привезенные в 1917 г. из Томска [44].

Музей Грасси (Лейпциг) обладает уникальным шаманским костюмом, который был куплен в 1869 г. на р. Енисей [39]. По своим деталям он чрезвычайно близок шаманскому костюму из МАЭС (колл. 5962). Их подробное сопоставление может представлять большой интерес. В частности, предмет, который в МАЭС атрибутирован как «накидка», в лейпцигском костюме использован как головной убор, закрывающий лицо шамана во время камлания. Подоб-

ные «накидки» известны и в шаманских комплектах сымско-кетских эвенков.

В Национальном музее Финляндии (Хельсинки) находится костюм из коллекции Кастрена, который атрибутирован как сымский. Однако по внешнему виду кафтан сильно отличается от традиционного покроя, хотя нагрудник является абсолютно типичным [40]. Сложно сказать, что это результат ошибки в описании или следствие сложного этнокультурного состава сымской группы.

Если к перечисленным предметам добавить «условно сымско-кетские» (т.е. похожие по ряду признаков, но не имеющие точной атрибуции), то становится очевидным, что объем материала чрезвычайно велик. Выявление коллекций по принципу принадлежности к одной этнической группе, а затем, естественно, анализ собранного материала сулят большие возможности для традиционной этнографии, так как позволяют дать максимально полный предметный образ культуры, проследить генезис развития отдельных элементов культуры, уточнить многие спорные моменты, известные по другим источникам. Поскольку речь идет о реалиях, которые уже невозможно наблюдать в полевых условиях, то можно сказать, что на наших глазах возникает «музейно-этнографическая археология», с тем отличием, что раскопки нужно проводить не в поле, а в запасниках музеев. В то же время подобные исследования позволили бы значительно улучшить атрибуцию музейных коллекций.

Литература

1. Государственный архив Томской области. Ф. 71. Оп. 1. Д. 3.
2. Василевич Г.М. Сымские тунгусы // Советский Север. 1931а. № 2. С. 132–147.
3. Василевич Г.М. К вопросу о тунгусах, кочующих к западу от Енисея // Советский Север. 1931б. № 10.
4. Василевич Г.М. Тунгусский нагрудник у народов Сибири // СМАЭ. 1949б. Т. XI. С. 122–178.
5. Василевич Г.М. Кoryтообразная нарта сымских эвенков // СМАЭ. 1949в. Т. X. С. 93–97.
6. Василевич Г.М. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков // СМАЭ. 1957. Т. XVII. С. 151–185.
7. Василевич Г.М. Тунгусский кафтан // СМАЭ. Т. XVIII. М.; Л., 1958. С. 42–61.
8. Василевич Г.М. Типы обуви народов Сибири // СМАЭ. М.; Л., 1963. Т. XXI. С. 3–64.
9. Василевич Г.М. Эвенки: историко-этнографические очерки. Л., 1969. 304 с.

10. *Воскобойников М.Г.* К.М. Рычков как собиратель эвенкийского фольклора и общественный деятель // Великий Октябрь и малые народы Крайнего Севера. Л., 1967. С. 96–121.
11. *Дэвлет М.А.* Адрианов как этнограф // Репрессированные этнографы. Вып. 1 / сост. Д.Д. Тумаркин. 2-е изд. М.: Вост. лит., 2002. С. 9–56.
12. *Ермоленко Р.В.* К истории формирования коллекции верхней одежды эвенков из фондов ККМ // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий (Матер. XLI рег. археолого-этнографической студенческой конф. Барнаул, 25–30 марта 2001 г. С. 485–486).
13. *Ермолова Н.В.* Пояса у народов Сибири и Дальнего Востока // СМАЭ. Т. LI, СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 170–301.
14. *Иванов С.В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. М.; Л., 1954. 839 с.
15. *Иванов С.В.* Скульптура народов Севера Сибири XIX – начала XX в. М.; Л., 1970. 296 с.
16. *Историко-этнографический атлас народов Сибири.* М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 498 с.
17. *Кастрен М.А.* Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, 1838–1844, 1845–1849 // Магазин земледелия и путешествий. М., 1860. Т. 6, ч. 2.
18. *Каталог этнографических коллекций музея археологии и этнографии Сибири Томского университета.* Ч. I: Народы Сибири. Томск, 1979. 342 с.
19. *Кунсткамера (1714–1836): к 300-летию первого академического музея.* <http://www.ras.ru/kunstkamera/f27eca03-bd7c-4706-943a-22da91f03f2c.aspx>
20. *Михайлова Е.А.* Съемные украшения народов Сибири // СМАЭ. Т. LI. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 12–119.
21. *На грани миров.* Шаманизм народов Сибири (из собрания Российского этнографического музея: Альбом). М.: ИПЦ «Художник и книга», 2006. 296 с.
22. *Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея.* Томск: Изд-во Том. ун-та. 1986. 226 с.
23. *Народы Сибири.* Этнографические очерки. М.; Л., 1956. С. 701–746.
24. *Никитин В.* Сибирская командировка // Родина. 1989. № 12. С. 84–89.
25. *Пихновская А.А.* Эвенкийская этнографическая коллекция Колпашевского краеведческого музея // Томские музеи. Краеведческий музей им. М.Б. Шатилова. Муниципальные музеи: матер. к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области». Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 300–306.
26. *Прокофьева Е.Д.* Шаманские костюмы народов Сибири // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1971. Т. 27. С. 5–100.
27. *Решетов А.М.* О Н.П. Никульшине (1908–1941) (К 90-летию со дня рождения) // Материалы полевых этнографических исследований. Вып. 5. СПб., 2004. С. 120–127.
28. *Рычков К.М.* Описание коллекций шаманства, поступивших из Туруханского края в музей антропологии и этнографии императорской Академии наук с 1907 по 1909 г. Архив Академии наук, СПб. отд-ние. Ф. 849. Оп. 5. Д. 608.
29. *Рычков К.М.* Енисейские тунгусы // Землеведение. 1917. Кн. 1–2. С. 1–67.
30. *Рычков К.М.* Енисейские тунгусы // Землеведение. 1922. Кн. 3–4. С. 107–147.
31. *Сем Т.Ю.* Шаманизм эвенков по материалам Российского этнографического музея. СПб.: Филфак СПбГУ, 2015. 292 с.

32. *Симонов М.Д.* Материалы по шаманству сымских эвенков // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. 1983. № 11, вып. 3. Серия общественных наук. С. 102–112.
33. *Шатилов М.Б.* Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского края // Труды Томского краевого музея. 1927. Т. 1. С. 139–169.
34. *Яковлев Е.К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея // Описание Минусинского музея. Минусинск, 1900. Вып. IV. 212 с.
35. *Яковлев Я.А., Максимова И.Е.* Материалы по этнографии эвенков Томской области // Труды ТГОИАМ. Томск, 1994. Т. 7. С. 86–94.
36. *Яковлев Я.А., Трофименко С.В.* Роговые луки вьючного седла эвенков Западной Сибири // Труды ТГОИАМ. Томск, 1995. Т. 8. С. 121–131.
37. *Британский музей* (Лондон). Электронный каталог коллекций // http://www.britishmuseum.org/research/collection_online/search.aspx
38. *Музей антропологии и этнографии* (СПб.). Коллекция М.А. Кастрена. Электронный каталог. <http://www.kunstkamera.ru/kunst-catalogue/index.seam?c=KASTREN&page=1>.
39. *Музей Грасси* (Лейпциг). Шедевры коллекции. <http://masterpieces.asemus.museum/masterpiece/detail.nhn?objectId=10390>.
40. *Музей культуры* (Национальный музей Финляндии, Хельсинки). Шедевры коллекции. <http://masterpieces.asemus.museum/masterpiece/detail.nhn?objectId=11612>.
41. *Национальный музей Дании* (Копенгаген). Коллекция одежды. Электронный каталог. <http://skinddragter.natmus.dk/>.
42. *Новосибирский краеведческий музей*. Электронный каталог коллекций. <http://kamis.youmuseum.ru:7756/kng/fund/view-funds.jsf>
43. *Российский этнографический музей* (СПб.). Государственный каталог музейных предметов <http://gосkatalog.ru/portal/#/>.
44. *Шведский этнографический музей* (Стокгольм). Электронный каталог коллекций. <http://www.varldskulturmuseerna.se/en/etnografiskamuseet/research-collections/>.
45. *Penn Museum* (университет Пенсильвании). Электронный каталог коллекций. <https://www.penn.museum/collections/>.
46. *Pitt Rivers Museum* (Оксфорд). Электронный каталог коллекций. <https://www.prm.ox.ac.uk/databases>.

Е.В. Малкова

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН МУЗЕЯ: РОЛЬ В РАБОТЕ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ, ФОРМИРОВАНИИ ИЗВЕСТНОСТИ МУЗЕЯ

Содержание здания музея и музейной коллекции – весьма затратное дело. Помимо государственного финансирования, музей самостоятельно должен зарабатывать хотя бы малую часть средств для себя. Продажа сувенирной продукции является одним из способов